

ния. – Ростов н/Д., 1966. – 287 с.

6. Гвоздарёв Ю.А. Свод народной опытной премудрости. Вступительная статья // Пригоршня жемчужин. Пословицы и поговорки народов Северного Кавказа. – Ростов н/Д., 1988. – С. 3-12.

N. Bazhalkina

LEXICAL AND SEMANTIC CONTENTS

OF POLITICAL APHORISMS (ON THE BASIS OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Abstract. The given article deals with the studying of lexical and semantic contents of political aphorisms in the English and Russian languages.

Key words: concept, word, lexeme, semantic field, aphorism, political aphoristics.

УДК 81'367

Балута А.А.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФИНИТИВА В САНСКРИТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛАТИНСКИМ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМ ЯЗЫКАМИ): ЧАСТЬ I*

Аннотация. В данной статье сопоставляются теории происхождения инфинитива в языках «восточного» (санскрит) и «западного» (латынь, древнегреческий) типов с выявлением различий на морфологическом и синтаксическом уровнях. Также рассматриваются особенности употребления санскритского инфинитива и его функции, аналогичные функциям инфинитивов в латинском и древнегреческом языках.

Ключевые слова: теории происхождения инфинитива, санскрит, латынь, древнегреческий.

Инфинитив в санскрите представляет собой глагольное имя, образованное, как правило, от «среднего» глагольного корня посредством добавления суффикса *tum*: *bhū - bhavitum* (быть) [4, 125].

Санскрит – один из древнейших индоевропейских языков. Лингвисты часто обращаются к нему для выявления причин различных аспектов грамматического развития тех или иных языковых систем. Но если провести сопоставление санскритского инфинитива с аналогичными формами в некоторых других древних языках индоевропейской семьи, например в латыни или древнегреческом, можно отметить существенную разницу на морфологическом и синтаксическом уровнях. Выводы, сделанные из этого сопоставления, складываются в определённую систему, которую мы представляем в данной статье.

В отличие от языков «западного» направления (латынь и отчасти древнегреческий), инфинитив в санскрите имел только одну морфоло-

гическую форму, о которой мы говорили выше: «средний» корень с суффиксом *tum*. На русский язык это переводится неопределённой формой глагола: *aham gatam śaknomi* (я могу *петь*). В латинском языке инфинитив имел шесть форм (настоящее, прошедшее и будущее время в двух залогах), а в древнегреческом образовывался практически от любой временной и залоговой формы глагола. Попробуем установить, чем вызвана такая неравномерность одного и того же морфологического явления в языках «западного» и «восточного» направлений.

По нашим наблюдениям, количество инфинитивов в индоевропейских языках обычно регулировалось количеством причастных форм, так как и те, и другие являлись предикативным центром древних полупредикативных конструкций, аналогичных современным придаточным частям сложных предложений. По мнению многих исследователей, сложные предложения, как и подчинительные союзы, образовывались в языках не сразу, а путём постепенного вытеснения более простых конструкций [1, 111]. И хотя ранее паратаксис преобладал над гипотаксисом, в большинстве древних индоевропейских языков (во всяком случае, в письменной форме) изначально существовала потребность в «сложноподчинённых отношениях». Эта потребность находила своё выражение в полупредикативных причастных и инфинитивных оборотах.

В древнегреческом языке, где число причастий было приблизительно равно числу инфинитивов, существовали альтернативные способы выражения некоторых видов сложноподчинённых отношений. Например, конструкция, равная по смыслу изъяснительно-объектному придаточ-

* © Балута А.А.

ному, могла быть передана и причастным и инфинитивным оборотом: 1) *Lego tous palaious Aiguptious guras ou foneuein* – (Я говорю, что древние египтяне не убивали коршунов; *Hoi palaioi Aiguptioi guras ou foneuein legontai* (Говорят, что древние египтяне не убивали коршунов) [2, 29-30]. 2) *Tissafernēs Kuron strateuonta aggellei* (Тиссаферн сообщает, что *Kip idēm войной (=об идущем войной Kipe)*; *Kuros epistrateuon aggelletai* (Сообщается, что *Kip idēm войной*) [2, 34-35]. В первом случае использован оборот *Accusativus/Nominativus cum infinitivo*, во втором – *Accusativus/Nominativus cum participio*. Целевые отношения также мог передавать инфинитив: *Tauten ten hōran epretrepse diarpasai tois Hellesin* (Эту страну он отдал на разграбление (= чтобы разграбить) грекам) [2, 79]. Аналогичные отношения могли быть выражены причастием будущего времени.

Зависимая обстоятельственная конструкция обычно передавалась с посредством абсолютных причастных оборотов. Со временем в греческом языке наблюдается общая для большинства индоевропейских языков тенденция к анализируемому в области замены простых предложений сложными, а также тенденция к полному упразднению инфинитивных форм [5, 237]. Вероятно, это произошло по причине изначального присутствия в языке почти равного количества инфинитивов и причастий, в то время как причастия обладали большим набором синтаксических функций. Кроме того, причастия были более гибкими в морфологическом плане, так как изменялись по числам, родам и падежам, в то время как древнегреческий инфинитив в известную нам письменную эпоху уже не склонялся.

Не обладая формально выраженной парадигмой склонения, древнегреческий инфинитив, однако, мог субстантивироваться в любом падеже и быть употреблён в качестве существительного: *meta to lusai* (после развязывания); *dia to lutev ai* (во время развязывания) и т.п. Это представлялось возможным из-за наличия в языке определённого артикля, который даже при отсутствии падежного окончания указывал на род, число и падеж инфинитивной формы. В латыни и в санскрите такой способ употребления инфинитива не мог быть реализован по причине отсутствия определённого артикля. Существуют предположения о возможном падеже формы древнегреческого инфинитива (Дательный или Местный) [5, 233]. С нашей точки зрения, можно также предположить форму Именительного/Винительного падежей, так как именно в этой форме инфинитив употреблялся в полупредикативных изъяснительно-объектных оборотах без

определённого артикля, «согласуясь» с формой логического подлежащего.

В латинском языке количество инфинитивов и причастий было неравномерным: инфинитив имел шесть форм, причастий же было всего три: настоящего времени активного залога, прошедшего времени пассивного залога и будущего времени активного залога. Причём последняя причастная форма будущего времени была довольно ограничена в своих синтаксических функциях и в полупредикативных оборотах не употреблялась. Прерогативой причастных оборотов были определительные и обстоятельственные отношения, в то время как инфинитив встречался в изъяснительно-объектных и целевых конструкциях. Ярким примером таких полупредикативных конструкций могут служить обороты *Accusativus/Nominativus cum infinitivo*, где инфинитив выступал в качестве логического сказуемого и употреблялся в форме настоящего, прошедшего и будущего времени активного и пассивного залогов: *Senatus jussit, socios inter se foedera facere* (Сенат приказал, чтобы союзники заключили между собой договоры [3, 163]. Аналогичные греческим изъяснительно-объектные обороты с причастиями (*Accusativus/Nominativus cum participio*) в латинском языке не использовались. Этот факт позволяет предположить, что в латинском языке глагольные функции инфинитива были несколько выше, чем в греческом, а его именные функции, наоборот, уступали греческим. Преобладание у латинского инфинитива глагольных функций, по нашему мнению, позволило этой форме занять определённые позиции в грамматической системе языка, разграничить сферы употребления с причастиями и пережить ряд исторических изменений.

Латинский инфинитив уже в классический период имел только форму единственного числа Именительного/Винительного падежей [3, 168], поэтому для него характерна довольно узкая специализация: неопределённая форма при основном глаголе и «логическое сказуемое» в изъяснительно-объектных оборотах. Но эта грамматическая ниша латинского инфинитива принадлежала только ему, в то время как древнегреческий инфинитив, многообразный в своих формах и функциях, а также практически сохранивший склонение, постоянно соперничал с другой именной формой глагола – причастием, обладающим большей синтаксической гибкостью. Вероятно, именно поэтому уже в греческом койне намечается тенденция к исчезновению инфинитива, что получило своё развитие в дальнейшем время.

Освещая систему инфинитивов и причастных форм в латинском языке, следует отметить, что здесь существовала ещё одна именная форма глагола, обладающая меньшими функциями и меньшей частотностью употребления, чем две предыдущие, однако занимающая в грамматической системе языка своё определённое место. Это латинский *супин*, форма, образованная от глагольного корня с помощью суффикса *-tu-* и имеющая только единственное число (среднего рода) и два падежа: *Accusativus* и *Ablativus* [3, 101]. Можно сказать, что в некоторой степени функции супина в латинском языке граничили с инфинитивными, так как он или ставился при глаголах целенаправленного действия для указания цели (*Accusativus*): *venio rogatum* – *прихожу (чтобы) просить*, или при некоторых прилагательных для детализации их семантики (*Ablativus*): *facilis factu* – *лёгкий для выполнения (= то, что легко выполнить)* [3, 167]. Однако употребление данной формы, ограниченное уже в классическом языке, со временем сузилось ещё больше: вместо него стал употребляться инфинитив, и, в конце концов, супин уцелел только на Востоке в значении отглагольного существительного [1, 62]. Таким образом, латинский инфинитив не только сохранил большинство своих синтаксических функций, но ещё и укрепил их за счёт исчезновения супина.

Представив обзор инфинитивных форм и их функций в индоевропейских древних языках «западного» типа, следует перейти к рассмотрению инфинитива в *санскрите*. Здесь соотношение инфинитивных и причастных форм было более чем неравномерным: инфинитивная форма известна только одна, в то время как причастных форм более десяти (десять причастий и два деепричастия). Любопытно, что по форме образования санскритский инфинитив близок к латинскому супину: суффикс *-tum-* можно рассматривать как сочетание суффикса *-tu-* с окончанием среднего рода *-m-* Именительного и Винительного падежей единственного числа. Как и латинский супин, инфинитив в санскрите мог обозначать цель при глаголах движения: *gacchāmi kartum* (инф. санскр.) = *eo factum* (супин лат.) = *иду (чтобы) сделать*. Однако функции санскритской формы на *-tum-* шире функций латинского супина, поэтому полностью аналогизировать эти формы нельзя.

Следует отметить, что исторически суффиксом инфинитива в санскрите считается не *-tum-*, а *-tumip-*, который при сочетании с корнем глагола превращается в *-tum-*. Если рассматривать *-tum-* как сочетание суффикса *-tu-* с окончанием

среднего рода *-m* (гласное склонение), а *-tumip-* как слияние формообразующего суффикса с окончанием мужского/среднего рода на *-n* (Именительный падеж, согласное склонение), то можно провести параллель между «флексиями» инфинитива и флексиями санскритских причастий. Причастия пассивного и медиального залогов, а также существительные и прилагательные среднего рода оканчивались на *-m* и склонялись по гласному склонению на *-ā*: *idam bhṛ̥situm* (это сказано). Причастия активного залога мужского и среднего рода склонялись по согласному склонению на *-n* (Именительный падеж): *dh̥van naḡa* (бегающий человек). Опираясь на это сопоставление, можно предположить, что некогда инфинитив в санскрите мог склоняться как имя или причастие среднего рода, а также имел пассивную (медиальную) и активную формы. Тот факт, что гласное склонение санскрита (среднего рода) на *-i*, к которому ближе всего по своим характеристикам мог бы относиться инфинитив, в Именительном падеже не оканчивается на *-m* (в отличие от гласного склонения на *-a*), и отсутствует разновидность согласного склонения на *-in* (существуют только формы на *-an* и *-in*), может предположить существование в более ранних или неизвестных нам текстах особого склонения инфинитивных форм. Однако это предположение пока нуждается в дополнительной проверке данных, основанной на тщательном исследовании наиболее ранних памятников санскрита, а также на изучении смежных групп языков, например, дарвидийских.

Теперь рассмотрим особенности употребления санскритского инфинитива и его функции, аналогичные функциям инфинитивов в латинском и древнегреческом языках.

Санскритский инфинитив мог употребляться в составе простого глагольного сказуемого как смысловой компонент. Прежде всего, он сочетался с модальными глаголами со значением «хотеть», «мочь», «уметь». В качестве модального компонента такой формы иногда выступал не спрягаемый глагол, а образованное от глагольного корня аористное причастие, которое по некоторым синтаксическим функциям было аналогично спрягаемой глагольной форме и могло выступать в роли сказуемого. Примеры употребления: *Aham gantum samartha* (Я способен/могу неть); *Rājā p̥thiviṃ śāsītum nipuṃa* (Царь землёй управлять может); *Sa yuddhum jānāti* (Он умеет воевать).

Инфинитив в санскрите мог сочетаться с глаголами и именами не только с модальным, но и с фазисным значением. При этом он упот-

реблялся как в составе глагольного сказуемого, так и самостоятельно. *Maūga* □ *naritum ārabhate* (Павлин *танцевать* начинает); *Kathaka* □ *vaktum prakramate* (Говорящий *рассказывать* собирается); *Vidyālayam gantum kālo yam* (Это время в школу *идти*); *Śayitum velā iyam* (Это время *спать*); *Avasase yam a* □ *tma* □ *nam prakāśayitum* (Это возможность себя *открыть*).

Представляет интерес употребление санскритского инфинитива в целевом значении, но не в сочетании с глаголами целенаправленного действия, а с существительными. При этом инфинитив раскрывает семантику существительного, показывая, для чего оно предназначено: *Asti annam bhoktum* (Есть еда (чтобы) *покушать*). Эта особенность совпадает с одним из значений дательного беспредложного падежа в санскрите, причём в таких конструкциях в дательном падеже употребляются, как правило, глагольные существительные: *Sa* □ *muktaye Sivam bhajati* (Он поклоняется Шиве ради освобождения); *Randhanāya sthali* □ (Посуда для приготовления еды); *Nārāya suvr* □ *am* (Золото для цепочки). В то же время беспредложный дательный падеж существительного может встретиться при глаголе целенаправленного действия вместо инфинитива: *Sa pākāya yāti* (Он для *приготовления* еды (= готовить еду) идёт); *Aham bhrama* □ *āya emi* (Я *на прогулку* (= гулять) иду).

Учитывая эти особенности, можно предположить, что санскритский инфинитив представляет собой застывшую форму Дательного падежа, в то время как в латыни и древнегре-

ческом инфинитив ближе по своим функциям к Винительному и Именительному падежам. Следовательно, в санскрите не могли образоваться обороты, аналогичные латинским и древнегреческим *Accusativus/Nominativus cum infinitivo*. Место логического сказуемого в полупредикативных изъяснительно-объектных конструкциях в санскрите занимали причастия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дынников А.М., Лопатина М.Г. Народная латынь. – М., 1975.
2. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. 3-е изд. – М., 1998.
3. Латинский язык / Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. 6-е изд. – М., 2000.
4. Санскрит / Ред. Е.П. Островская, Е.И. Рудой, Ю.А. Сандулов. – М., 2001.
5. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. – М., 2001.

A. Baluta

PECULIARITIES OF THE USE OF THE INFINITIVE IN SANSKRIT (AS OPPOSED TO LATIN AND ANCIENT GREEK): PART I

Abstract. This article compares the theory of the origin of the infinitive in the languages of the “Eastern” (Sanskrit) and “western” (Latin, Greek) types of identifying differences in the morphological and syntactic levels. It also covers the particular use of the Sanskrit infinitive and its functions similar to those infinitives in Latin and Greek languages.

Key words: theory of the origin of the infinitive, Sanskrit, Latin, Greek.

УДК 81’36

Балута А.А.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЕРУНДИВА В САНСКРИТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМ И ЛАТИНСКИМ ЯЗЫКАМИ) И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК*

Аннотация. В данной статье рассматривается образование герундива в санскрите и устанавливаются особенности его происхождения. Модальные функции и синтаксическое употребление этой глагольной формы изучаются в сопоставлении с аналогичными явлениями в греческом и латинском языках, а также определяется алгоритм перевода санскритских герундивных конструкций на русский язык.

Ключевые слова: сравнительное языкознание, герундив, санскрит, древнегреческий язык, латынь, перевод на русский язык.

Предикатной модальностью долженствования в санскрите могли обладать не только спрягаемые глагольные формы, но и глагольные имена. Образовывались такие прилагательные с помощью специальных, аналогичных по значению «суффиксов долженствования»: *tavya*, *anīya*,

* © Балута А.А.